

Деньги на одно лицо

АННА НАРИНСКАЯ О ТОМ, КТО ПОХОЖ НА ДЖЕЯ ГЭТСБИ

нежели Дэзи, но при этом сверхэмансипированная. Фицджеральд описывает ее как женщину спортивную, с легким загаром — это действительно очень модный аристократический женский образ той эпохи. Но у База Лурмана Джордан в исполнении Элизабет Дебики превратилась в несколько более вульгарный типаж 1920-х — она типичный флаппер, прожигательница жизни. Белокожая, худая, гибкая, как змея, брюнетка. И придуманные Миуччей Прадой предельно декольтированные и облегающие туалеты эту провокативную гибкость подчеркивают. Вещи сшиты из струящихся, даже скользящих плотных тканей насыщенных цветов, к тому же декорированы гораздо сдержанней — и по канонам эпохи ар-деко гораздо революционней, нежели платья Дэзи. И конечно, образ одетой таким образом женщины получается гораздо более броским и фатальным, но не переходит границ хорошего тона — все-таки Джордан принадлежит к высшему классу американского общества. А вот наряды Миртл Вилсон в исполнении

Айлы Фишер (напомним, что она жена автомеханика и любовница мужа Дэзи) являются эталоном вульгарного подхода к эмансипированной моде эпохи — кричащие цвета и яркие принты, воланы и слишком короткие юбки днем, обилие тяжелых тканей и перьев вечером. Что самое интересное — даже ее наряды в исполнении Миуччи Прады вполне красивы, и, если их разгрузить, сменив аксессуары, и надеть на женщину с другим цветом волос, они вполне имеют право на существование. Но у художника по костюмам задача другая. И очень яркая героиня в очень ярких вещах выглядит яркой до пронзительности. Наверно, помимо костюмов в фильме будет еще много всего интересного и неожиданного, но нам важно отметить вот что: дизайнеры, которые в нулевых были представлены в кино исключительно готовыми вещами из коллекций, готовы вернуться в кинематограф и работать как художники по костюмам. И это очень хорошо.

ГУМ, 15 мая (в рамках фестиваля «Черешневый лес») В прокате с 16 мая

Я ЕЩЕ НЕ ЗНАЮ, про что Баз Лурман снял своего «Гэтсби». Судя по трейлеру, это красочная экстраганца на тему «эры джаза», где собственно джаз заменяют собою рэпер Джей-Зи и рокер Джек Уайт. Мне-то всегда нравилось, как этот режиссер — и в «Ромео + Джулиет» и даже в «Moulin Rouge!» — легкомысленно играет во времена и нравы, и в этом смысле его «Гэтсби», думаю, меня не разочарует. В отличие, похоже, от многих других — вслед за трейлером на просторстве русского интернета появилось множество раздраженных откликов. Разочарованы все, правда, не антиисторично-глянцевым подходом Лурмана к ставшим уже классическим текстам, а его кастингом. Мол, что ж такое — Леонардо Ди Каприо совсем не похож на Джея Гэтсби. Это, кстати, неправда: если следовать тексту, то как раз похож. Во всяком случае, он куда больше похож на Джеймса Гейца (таково забытое имя Гэтсби), фермерского сына из Северной Дакоты, в юности промышлявшего ловлей кеты на Великих озерах, чем восхваляемый всеми в этом качестве Роберт Рэдфорд (он сыграл фицджеральдовского героя в знаменитой экранизации 1974 года) — он-то как раз слишком аристократичен для этой роли. Хотя для меня лично Гэтсби — он сейчас похож совсем на другого человека. Уж совсем ничем не напоминающего ни одного из этих артистов, ни фицджеральдовское описание «типичного молодого американца».

Для меня сейчас Гэтсби стал похож на фотографию, которую бесконечно перепощивали в интернете примерно месяц назад. На ней молодой носатый чернявый (но уже лысоватый) человек в советско-туристском обмундировании весело смотрит в кадр. В общем, для меня сейчас не успевший состариться Гэтсби — это молодой Борис Березовский. Потому что, когда мы читаем «Великого Гэтсби» в первый раз, это для нас всегда книжка про любовь. Когда же мы ее перечитываем взрослыми — это оказывается книжка совсем про другое. Проблема только в том, что мы ее почти никогда не перечитываем.

Так вот, если читать «Гэтсби» не затуманенными юношеским романтизмом глазами, то становится очевидно — это не про отношения мужчин и женщин, а про отношения человека с деньгами и про отношение человека к тому, кто с деньгами. Знаменитая фраза Фицджеральда «Богатые люди не похожи на нас с вами» на самом деле не имеет никакого отношения к «низкопоклонству перед богатыми», которое приписывал ее автору высмеявший ее Хемингуэй. Нет, у Фицджеральда это как раз констатация «интеллигентского», «приличного» декларативно пренебрежительного отношения к богатым и — еще больше — к богатеющим, только куда более общая, чем прямолинейное «а потом пришли богатые и все испортили» самого Хемингуэя.

Рассказчик в «Великом Гэтсби» на первой же странице сообщает, что «Гэтсби воплощал собой все, что я искреннее презирал и презираю», и, только объявив об этом своем «приня-

том» отношении к нуворишу, признается, что «в этом человеке было поистине нечто великое, какая-то повышенная чувствительность ко всем посулам жизни, словно он был частью одного из тех сложных приборов, которые регистрируют подземные толчки где-то за десятки тысяч миль». Последняя цитата до невероятия похожа на выдержку из статей о Березовском, которые написали после его смерти те, кто его знал лично.

Десятилетие, предшествовавшее американской Великой депрессии, стало уже привычным сравнивать с нашими девяностыми — нашим «периодом первоначального накопления». Такие времена выбрасывают на поверх-

ность и дают возможность развернуться людям с этой «повышенной чувствительностью к посулам жизни», людям вроде Гэтсби (и всех тех, кто так или иначе послужил для него прототипом) и Березовского. Даже сама афера Гэтсби с продажей спиртного во время сухого закона через сеть вполне легальных аптек кажется достойной нашего соотечественника, начавшего в самом конце восьмидесятых торговать реэкспортными «Ладами», но главное сходство здесь, конечно, не в изобретательности, а в том, что и для того и для другого деньги — совсем не цель, а только инструмент.

Гэтсби деньги были нужны для того, чтобы завоевать Дэзи. Но, конечно же, не саму, не просто женщину, а то, что она воплощала: уверенность, встроенность, класс — «она была первой „девушкой из общества“, попавшейся на его пути». Зеленые бумажки были для него метафизическим пропуском в мир, где существуют такие, как Дэзи, которым не заработанное, а присущее, как будто свыше данное богатство дает исключительность — жизнь, устроенную так, словно денег не существует. Борис Березовский и другие, похожие на него, появившиеся у нас в то десятилетие, вроде бы хотели другого, но на самом деле — того же самого. Желанные власть и влияние оказывались для них ровно таким же освоением недоступного, как сближение с аристократической обитательницей Ист-Эгга для Гэтсби, а деньги — всего лишь инструментом, способным это приблизить.

Так что, хоть молодой человек ярко выраженной еврейской наружности, запечатленный на той старой фотографии, ни секунды не походит ни на Роберта Рэдфорда, ни на Леонардо Ди Каприо, он, если приглядеться, похож на Джея Гэтсби. Вернее, если закрыть глаза и не смотреть — тогда похож.